

18+

облегченного весну. Пуст-реставель
аллиа, дини, св. мучам и шинами
ямо (в) мис. Подмога зязга здесь
им я. м. 1921. Кого Кадма. Уша.
палестинской, она залыми шотам
сполялась за дурнестую
еру, подтягивалась
вверх, всталась рука
и, как дестевнская
шпка. Мурка, при
сделетавшая
сон и не при-
дметав
на
икому



ПРОС. (РЕД.)
Вопросы Цензуры
1928

г. Москва
Клейменова А.А.

Katjuscha.

ПОВЕСТЬ

Анна Клейменова
Katjuscha. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66036082

ISBN 9785005513892

Аннотация

Так сложилось, что весной, когда над рекой в маленькой деревне плывут туманы, любовь расцветает особенно ароматно; если только это не весна сорок четвёртого года, когда Кате приходится выбирать, что сохранить: жизнь или честь.

Содержание

Повесть «Katjuscha»	5
Уважаемые читатели!	5
= 1 =	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Катјусча

Повесть

Анна Клейменова

Юлия Ковалева @jlkovaleva *Редактор*

Ольга Габис @olga_gabis *Дизайнер обложки*

© Анна Клейменова, 2021

© Ольга Габис @olga_gabis, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0055-1389-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повесть «Katjuscha»

Уважаемые читатели!

Перед вашим погружением в эту небольшую историю, содержащую в себе не один мир, от лица редакции мы хотим опубликовать отклики на неё тех, кто уже совершил это путешествие и делится с вами искрой увиденного.

«Написано настолько потрясающе красиво, что невозможно оторваться. Невзирая на то, насколько страшен сюжет... Очень коротко, лаконично и даже как-то буднично. От чего становилось еще больше за героев... У меня сейчас такое чувство, что посмотрела короткометражку гениального режиссера. Написано так, что начинаешь видеть происходящее своими глазами. Сюжет неоднозначен, но как же цепляет за душу. Благодарю! И жду! Жду еще новых Ваших произведений».

Наталья Докучаева, ветеран труда.

Инстаграм: @nataliadok_dolls

«Думаете, что в вашей жизни много трудностей? Прочтите эту пронзительную историю и спросите себя еще раз».

Фёдор Кузнецов, писатель (книга «Vozdooh»), изобретатель трансформационной дыхательной практики «Формула

ЖИЗНИ».

Инстаграм: @feodorkouznetsov

«Если бы я умел читать с закрытыми глазами, эту повесть я прочитал бы именно так! Нет, не от живого описания дыхания смерти, а от стоящих в глазах слёз, которые мешали читать, и как увеличительное стекло проявляли жуть войны и любовь мира...

Сморгнул только в конце, чтобы хоть так потушить пожар и прибить пепел отголоска войны...».

Владимир Калинин, автор рассказов, астролог.

Инстаграм: @astrokalinin

«Война внутри порождает войну снаружи. Честность с собой никогда и ни при каких обстоятельствах не подводит. Она очищает и облегчает душу. Именно преданность себе является также и залогом победы в ВОВ России. Меня восхищают такие люди, как Катюша, – смелые, искренние и глубоко уверовавшие в свою суть. Люди, которые не продаются!»

Алёна Аркина, энерготерапевт.

Инстаграм: @misteriya_massaja

«Сколько ещё поколений должно уйти и родиться, чтобы столь глубокая рана на теле единой души зажила? Возраст автора и её переосмысление истории песни „Катюша“ – это послание нам, живущим и будущим поколениям о том, что настала пора сломать стрелы, сложить копья и отринуть страх перед будущим, столь глубоко ушедший

корнями в прошлое. Это „письмо“ распечатывающее и исцеляющее самую глубокую боль внутри каждого из нас – войны с самим собой. И выбор лишь за тобой – бессмертие правды и честности, или вечное рабство перед тщетностью мнимой матери благ».

Юлия Ковалёва, писатель (книга «Непацанка»),
редактор повести «Katjuscha». Инстаграм: @jlkovaleva

Предисловие от автора (посвящение)

Посвящается всей моей любимой и любящей семье: и особенно Татьяне Сиудновой – бабушке, певшей мне такую «Катюшу» перед сном.

= 1 =

*Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
Выходил к ней немец молодой.*

- Катя, как ты думаешь, можно прожить две жизни?
- Можно, наверное. Мы же живём.
- И будет два дня рождения?
- Получается, что так.
- А когда второй, Кать? Катя!.. Кать, ты что, спишь?
- Не сплю.
- Когда второй день рождения?
- Двадцать второго июня.

Катя крепче прижала сестру к себе. Твёрдая солома в кровь исцарапала голые белые ноги. Забилась в волосы. Ущипнула за нос и за уши.

- Катюш, а нас тоже убьют?
- Никто нас не убьёт. Скоро папа вернётся – и всё.
- Ты так каждую ночь говоришь.
- Завтра рано вставать, ложись.

За сложенной из подгнивших брёвен стеной храпели розовые поросята. Когда в уличной грязи барахтались изрыгающие проклятия мотоциклы, испуганные пороссячьи повиз-

гивания били Катю по ушам. Несколько раз в неделю люди с вытесанными из камня лицами заходили в сарайчик, пачкали тёмные формы в свиной крови и выходили, вынося побелевшую недокормленную тушку.

Ночь больно ужалила Катю. Моторы мотоциклов глуховато урчали, как большие чёрные коты, устроившиеся на печке. Сопение сестры неприятно давило грудь. Уснуть не получалось.

Их было семеро. Бабушка с седыми длинными косами, спрятанными под белым платком. Дедушка, который, сколько Катя себя помнила, всегда надевал одну и ту же белую рубашку с жёлтыми заплатками подмышками и на спине. Отец и мать – немолодые коммунисты, утаившие дома иконы и купавшие яйца в луковой шелухе каждый апрель.

А ещё был старший брат, весь в веснушках и синяках. И младшая сестра, мечтающая стать доктором в белой косыночке.

И она, Катя.

Дедушка ушёл на войну, но спустя месяц в окна дома постучал горбатый почтальон – извещение о смерти. Последнее письмо от отца пришло месяц назад, и Катя закрывала лицо руками каждый раз, когда замечала на улице почтальончатый горб. Брата застрелили, пока занимали деревню. Бабушку с матерью сожгли.

Сестрёнка болела.

Она, Катя, осталась жива и не могла простить себе этого.

Ночной храп прорезал свист выпущенной пули. Грохот. Гавкающие немецкие слова: «Ein, zwei, drei». Снова грохот. Поросячий визг. Крики. Слишком громко, слишком близко.

Катя заплакала.

...сон рассеялся с отчаянными криками старого петуха, доживающего свою последнюю весну. Разогревалось солнце, бьющее лучами-ножами прямо в окно. Полгода назад здесь были яблони. Когда Катя была маленькой, она голыми ногами цеплялась за бугристую кору, подтягивалась вверх, хваталась руками – как деревенская кошка Мурка, принадлежащая всем и не принадлежащая никому – за горбатые ветки и срывала жёлтое маленькое яблоко, пахнущее мёдом и августом.

Сейчас яблони должны были бы зацвести. И тогда по утрам Катю будил бы не петух, а аромат розоватых цветочков, около которых трясли спинками неуклюжие шмели.

Яблони сгорели вместе с домами.

Катя не решилась позавтракать и передвинула кружку с молоком к спящей сестре. На их небольшую деревню, где осталось несколько стариков, пять-шесть задавленных горем женщин и маленькая кучка детей, немцы расщедрились двумя коровами. Одна умерла, а вторая, со скрученными рогами и чёрными изъеденными слепнями пятнами, оказалась старой.

Остальных забрали. Катя несколько раз видела, как ей навстречу шёл молодой каменнолицый, утирая ладонью белый

молочный след на верхней губе.

Дул прохладный, остывший после долгой зимы ветер. Если бы не несколько десятков людей, стягивающих с себя тёмные грязные формы и обнажающих сытые розовые тельца; если бы не испачканные в свином навозе колёса мотоциклов; если бы не развешанные по верёвкам, где раньше были полотенца, флаги с чёрными изломанными крестами (которые ничей дед пытался сжечь и получил пулю в грудь), то Катя бы и не сказала, что пришла война.

Упитанные поросята чистили щетину в липкой расхлябанной грязи, – но теперь это поросята не для них, а для немцев.

Собаки раскрывали чёрные пасти и гавкали, кажется, понятнее, чем их хозяева, – но это не серые Трезоры и Полканы, а жилистые овчарки.

Улыбающиеся лица. Но не довольных крестьян и рабочих, а ужавшихся русской водкой фрицев.

Маленькая холодная рука остановила Катю:

– Куда?

– В церковь.

Немец бросил что-то своему товарищу и, посмеявшись косым ртом, пустил. Катя терпеть не могла, когда язык, на котором мама пела ей колыбельные, фонтаном слюней вырывался из чужой красной пасти.

Церкви почти не осталось. Её красные обвалившиеся стены неправильным пятном торчали среди зелёных нераспу-

стившихся листьев деревьев. Кресты сняли – запрещено. Колокола забрали на военные нужды в сорок первом. Всё остальное – в сорок втором. Вход зарос крапивой. Бабки, когда ещё были живы, говорили, что где-то внутри осталась ещё одна икона.

Идти долго. Пятно церкви нависало над обрывом. Здесь – Кате хотелось плакать – зацветали последние яблони в деревне – три-четыре искорёженных ствола переплетались со старыми грушами, похожими на пальцы Бабы Яги. Бежала река, по утрам спрятанная под одеялом молочного лоснящегося тумана.

Катя вдохнула запах своих детских лет. Пробралась в церковь. Жгучие розги крапивы хлестнули её по спине, укусили за ноги, придержали руки. Захотелось зарыдать, как раньше, броситься к маме, показать ей красную опухшую ножку. Катя закусила губу и громко выдохнула.

Бабушка рассказывала, что раньше эта церковь была живой. По воскресеньям звон колоколов золотым эхом рассыпался по деревне. Женщины в синих, красных, белых платках, сгорбившись и прислонив правую руку к груди, заходили под кирпичные красные своды, как звери заходили на Ноев ковчег.

Здесь гуляли молодые девушки – водили хороводы, жгли костры, бросали в речку венки. Здесь таскали яблоки молодые парни, а старики грозили им сморщенными кулачками и подвязывали надтреснувшие ветки.

Катя упала на стёртые коленки. Подняла голову к небу – от сводов купола осталось несколько косых фресок. Ей улыбались безглазые ангелы.

Вместо колокольных звонов эхо обрушило на высокий берег некрасивые Катины рыдания. Молитвы «помоги», «папа», «война», «вернётся домой» захлёбывались в неразборчивых слезах. Лицо перепачкалось в пыли и земле. Это было единственное место, где Катя могла плакать. При сестре – нельзя. При немцах – ни за что.

Плакать приходилось за всех: за папу (лишь бы только вернулся; раненый, без руки, без ноги – как угодно! – но пусть только вернётся), за сестрёнку (хватит ей кашлять, пусть лучше Катя заболит или умрёт), за умерших, за живых. Ангелы, пригнездившись около потолка, сочувственно качали выцветшими крыльями. Птицы уважительно смолкли.

Катя встала с колен. Сбитую кожу щипало. Красные следы от крапивы неприятно зудели по всему телу, огненными лапами хватаясь за руки, за ноги, за спину. Катя вытерла слёзы и подняла голову. На щеках остались пыльные следы, но в деревне, кажется, у всех такие...

Солнце занималось. Голубые полосы неба сливались с белыми, будто неопытный художник остался недоволен своей работой и бросил её на полпути. Молочный туман прятался под крылом распалющегося дня.

Катя вышла на крутой берег, поджала под себя ноги в быв-

ших когда-то белыми носках, поправила голубую юбку порванного платья и испачканными в засохших крапинках крови пальцами разредила тусклые волосы на три пряди.

– ... присели на досуге погреться у костра две девушки-подруги: связистка и сестра...

Пора было идти: сегодня Катина очередь пасти и доить корову; сегодня Катина очередь готовить немцам свинью.

– ... как будто на крылечке весенним вечерком, иль где-нибудь на речке с песчаным бережком...

Катя туго затянула косу. Вытерла кулаками глаза. Отряхнула от колючей травы платье, распрямила спину – как будто она вместе с отцом шла в бой, а не сидела на печке, пока за её столом обжирались салом – и громко кончила последние слова: «А нам под песню эту припомнилось о том, что есть на свете где-то родной далёкий Дом».

Дитриху говорили, что в России его встретят варвары, по шею заросшие в грязи и не знающие о том, что такое книга. В какой-то момент, когда Дитрих приказал местному мальчишке с огненными волосами и грязным от веснушек лицом отмыть свои сапоги, он даже готов был в это поверить – варвар, сплёвывающий липкие слюни на траву и бегающий босиком.

Но девушки в деревне были что надо. Дитрих запретил нескольким из них носить косынки – ему нравились длинные волосы, пахнущие то ли сеном, то ли лесом, то ли бо-

лотом, то ли всем сразу. Ему нравились недлинные загорелые ноги с короткими серыми волосками на исцарапанной розовой коже. Ему нравились спрятанные в свободную рубашку или длинное старое платье груди, маняще выпятившие из-под грубой ткани.

Ему только не нравилось, когда такая немая девушка заходила в казарму – небольшой сарай в центре деревни – прятала светлые глаза и, отвернувшись, спускала край рубашки с плеча. Дитрих выходил на улицу. Дышал ночью. Долго курил, стряхивая бурый пепел в грязь. Морщился от приглушённых криков, коротко вылетающих из сарая. Отворачивался, когда раскрасневшаяся девушка со слезами выбегала наружу, прижимая к груди свёрток с жирным мясом или хлебом.

Дитриху было двадцать пять, и в этом году он должен был бы наконец начать приносить в семью деньги. Раз в месяц он тащил бы большой пакет с продуктами из магазина, где работал большеусый старик с глубокими прорезями морщин вместо глаз и рта. Он оставлял бы себе немного на покурить и по вечерам усаживался бы на стул с горбатой спинкой, закидывая бы ногу на ногу и причмокивал сигаретой, перекидывая её с одного уголка рта на другой.

Он бы нашёл себе пышногрудую кудрявую девушку с большими голубыми глазами и уехал с ней в Мюнхен – отец говорил, что лучшего места для брачной жизни не найти. Он бы перевёз родителей в новый дом. Он бы вообще много

чего сделал.

Кто бы мог подумать, что всё сложится вот так.

– Не дрейфь, Дитрих, зато военную карьеру сделаешь. Представляешь, как в старости заживёшь! – Дитриху не хотелось жить в старости, ему хотелось сейчас. И военной карьеры ему не хотелось. Чем больше азарта, тем ближе смерть.

– Чего тогда сам-то не делаешь, а в деревне отдыхаешь, пока дома жжёшь? – Дитриху не нравился его старший товарищ с чёрной смолистой бородой, уродливым пятном сожравшей всё его лицо. *этим*

Бородатый громко усмехнулся и не ответил.

Жечь дома – такой был приказ, и Дитрих исполнял его с таким ожесточением, будто от этого зависела его жизнь. В самом начале, когда сказали занять деревню. В Германии бы так не горело – там уже камень. А дерево весело потрескивало, заботливо скидывая огонь на соломенные кучи, жёлтые стога сена и старые разваливающиеся сараи.

Люди в ночных рубашках выбегали на улицу и казались Дитриху привидениями, мечущимися среди огня. Или мотыльками. Или ещё, может быть, стрекозами, которые надоедливо усаживаются на поплавок во время рыбалки и портят всё удовольствие.

Пахло горьким дымом, дровами. А потом какой-то удушливый запах бросился в лицо, и Дитриху пришлось отойти назад и прикрыть рот руками. Только на следующий день он проснулся от того, что вдруг понял – так пахли люди,

не успевшие выбраться из дома.

– Чего ты мечешься, в первый раз что ли, – сказал ему тогда толстый товарищ с разъезжающимися на опавшем животе пуговицами. Не в первый – Дитрих служит с сорок второго. Но в этот раз всё оказалось не таким. Не было грохота выстрелов, не было русских солдат, пытающихся вспороть ему брюхо. Был только пожар, отражавшийся в каждой паре глаз, вцепившихся в Дитриха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.